

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

АРИСТОКРАТ ДУХА

О прозе А. А. КУЗНЕЦОВА

Когда нам плохо, мы все по-разному справляемся или не справляемся с этим. Кто-то крушит все вокруг себя, другой втихаря и в одиночестве пьет горькую, третий начинает строить людям пакости, четвертый идет к психоаналитику, пятый накладывает на себя руки, шестой ударяется в работу, седьмой приходит в храм Божий. . .

Александр Александрович Кузнецов горькую никогда не пил, людей любит и чинить им пакости попросту не в состоянии, да и крушить все вокруг – не в его правилах.

Когда ему плохо, он идет посмотреть на птиц. Уходит далеко – взглянуть на какую-нибудь особенно редкую птичку, послушать ее, сказать ей доброе слово, и вдруг почувствовать, что все невзгоды – как рукой сняло. Для него природа – огромный храм Божий. Она же для него и работа, куда можно уйти с головой. Она же – и самый “дипломированный психоаналитик”, который никогда не будет спрашивать его по Фрейду и Юнгу, а просто положит на лоб теплую зеленую лапу и вмиг излечит от всех несчастий.

Любовь к себе подобным заложена у нас в самой глубинной сути. Зачастую человек не любит окружающих либо потому, что не видит среди них себе равных, либо злится, что все кругом такие хорошие, один он недоделанный. Проза Кузнецова сплошь насыщена поиском своих подобий в людях, поиском того, за что людей можно любить.

Человек, наделенный мощной верой в Бога, ищет в людях Божьи искорки и тогда смиряется с миром, любит его. Кузнецов – человек природный, он видит в людях птиц, зверей, растения, облака, реки. . . Все то, что журчит, поет, шелестит, стучится и ширится в нем самом. Вот почему такая неприятельная и скромная проза, какую он писал и пишет всю свою жизнь, не поглощает нас, не заставляет окунуться в нее с головой, а тихо проникает в сердце, скромно и едва слышно там переливается.

Есть у него рассказы, прочитав которые, уже не забудешь никогда. В них Кузнецов, не побоюсь таких сравнений, достигает высоты рассказов Ивана Бунина, Юрия Казакова, Евгения Носова, Владимира Солоухина. Таков, к примеру, “Портрет гимназистки” – маленький шедевр, равный “Легкому дыханию”. Умерла старая женщина, вещи ее растаскивают, кто-то хотел поживиться креслом, да и кресло ему не досталось, а достался карандашный портрет. И вдруг человека будто озарило! С портрета на него смотрела чистая и недолговечная, а потому и еще более ценная, девичья красота. “В спокойных, может быть, чуткою грустных глазах гимназистки читалось ожидание жизни, горя и радости, готовность пройти весь только что начатый путь женщины и человека. Говорят, печаль Богоматери на русских иконах объясняется тем, что она знает, предвидит крестный путь своего Сына. А тут вдруг почувдилось в глазах девушки предвидение костра в проходном дворе.

Девушка смотрит мне прямо в глаза. Смотрит терпеливо, не отвлекаясь ни на что. Теперь главным делом гимназистки стало смотреть мне в душу. И я понимаю почему. Ведь я один на всем белом свете знаю о том, что она была. Мне неизвестно, что произошло дальше в ее жизни, но я единственный человек, который знает о ее существовании, связывает ее с ушедшим миром, ответственен за память о ней. И я не уйду от ответственности. Для портрета подобрана рамка со стеклом, и он висит в моем кабинете”.

Рамка под стеклом, портрет... В прозе Кузнецова таких портретов много, и все они притягивают взор, заставляют всмотреться в глаза изображенного на них человека, задуматься о его судьбе и испытать восторг перед взлетами его души. Потомственный дворянин, Александр Александрович с молоком матери впитал в себя неизбывное чувство глубочайшего уважения к предкам, к родословным – своей ли, других ли русских людей. Из таких портретов, в которых сквозят и родословные, можно составить целый цикл рассказов и маленьких повестей.

Как можно равнодушно пройти мимо портрета Скобелева! Михал Дмитрича? Белого генерала?... Да нет, братцы, портрета его дедушки, Ивана Никитовича. Ибо и дед, и отец прославленного героя тоже были – прославленными героями. Их у России так много, что неблагоприятные потомки многих забывали. В рассказе о Скобелеве-деде писатель возрождает драгоценное понятие “род” и воскрешает для читателя светлый образ генерала Ивана Скобелева, рассказывает о его боевых делах, о том, как именно он вез тело скончавшегося Кутузова в Россию. Но мастерство писателя заключается в том, чтобы неожиданно показать героя совсем с иной стороны, и рассказ о том, как Скобелев встречается со своей матушкой, скромной крестьяночкой в котах, наполняет сердце неизъяснимым ликованием, трогает, волнует. И ты смеешься со слезой, читая, как остроумно она отвечала на вопросы о происхождении однодворцев: “Тацил черт однодворцев в коробе, да рассыпал под гору. Нес черт грибы в коробе, да рассыпал по бору, и выросли однодворцы! Собрал черт всех однодворцев в решето и понес: гром грянул, он и выворотил их под Саратовом”. И как потом она незаметно удалилась от высокопоставленных гостей и улеглась спать на печке. Этот рассказ так важен для восстановления исторической справедливости, состоящей в том, что большинство русских прославленных генералов имели подчас самое обыкновенное происхождение, а в корнях любого именитого рода могла оказаться такая вот крестьянская матушка. А когда вновь возвращаешься к описанию боевых подвигов Ивана Скобелева, совсем уже иначе смотришь на него, он стал родным. Такова сила писательского искусства!

Скорбная тема беспамятства, национального отупения, превращения народа в быдло занозой сидит в сердце писателя. К ней Кузнецов с горечью и болью постоянно возвращается в своем творчестве. Этой теме посвящен целый цикл печальных, а порой и страшных рассказов о современной деревне. Не спивающейся, а уже спившейся. Не разорваемой, а уже разоренной. А ведь некогда это была питательная среда народа нашего! Что поделывать – классовая борьба мощнее всего прокатилась именно по крестьянскому быту. Посмотрите, сколько храмов было разрушено в столицах – половина. А в губернских городах – две трети. А в уездных и мелких – четыре пятых. А в деревнях – почти все! Крестьянин означало христианин. Потому-то и уничтожалось крестьянство-христианство весь двадцатый век, а к началу двадцать первого окончательно превратилось оно в “сельскую массу”, обезбоженную и обезличенную, способную только пьянствовать да воровать. Сельские рассказы Кузнецова – вопиющее тому свидетельство.

Страшно смотреть на нынешних молодых людей, ничего не знающих ни о прошлых, ни о сегодняшних настоящих героях Отчизны, но толпами визжащих у подъездов дешевых кривляк, сомнительных кумиров, зачастую однополюх мерзавцев или просто проходимцев. А ведь было когда-то в России поклонение не одним пустышкам, а – Суворову, Кутузову, Скобелеву, как это описано в рассказе “Поклонник”.

Ювелирные изделия принято называть драгоценностями. Увы, я никогда не знал в них толка. А настоящими драгоценностями считаю встречи и знакомства с замечательными людьми, которые нам посылает судьба. Одной из таких драгоценностей стала для меня в свое время встреча с Александром Александровичем.

Случилось это во второй половине восьмидесятых годов в доме творчества писателей в Малеевке. Я, недавний выпускник Литинститута, работал тогда

в журнале “Литературная учеба” и приехал в Малеевку на семинар молодых критиков. А Александр Александрович там отдыхал, катался на лыжах, слушал птиц. И вдруг решил провести для нас лекцию по истории русских орденов и медалей. Лекция оказалась столь увлекательной, что я буквально влюбился в этого человека, хотелось еще и еще с ним беседовать, расспрашивать о том о сем. Предо мной распахнулась бездна познаний об отечественной истории, о русских гениях и русской природе. Слушать Александра Александровича можно было часами, не отрываясь. А однажды, когда мы катались на лыжах, он спросил, знаю ли я приблизительно, сколько сейчас разновидностей птиц обитает в этом лесу. Я, разумеется, назвал с потолка взятую цифру. Кузнецов устроил ее и тотчас перечислил все виды птиц. Мало того, он стал прислушиваться, заставил прислушаться меня и называл, чьи голоса мы слышим. Иной раз я не слышал ничего, а он – слышал и называл мне очередную птичку.

Оказалось, что он не только писатель, но и известный орнитолог. И тут выяснилось, что я-то с ним давным-давно знаком! Как так? А вот как: у моего школьного приятеля был замечательный атлас “Птицы СССР”. Гостя у него, я любил забраться в кресло и внимательно изучать этот атлас, завидуя другу, что у меня такого нет. И вот, оказалось, что Александр Александрович Кузнецов – один из авторов того самого атласа! То есть, сначала я познакомился с книгой, потом с человеком, а потом узнал, что книга написана этим человеком.

Спустя некоторое время, вступая в Союз писателей, я даже не раздумывал, у кого попросить рекомендацию. Поехал в зоологический музей, в отделе орнитологии которого тогда работал Кузнецов, встретился с ним и дал на прочтение только что вышедший свой первый роман “Похоронный марш”. Так тремя моими покровителями при вступлении в Союз стали писатель и врач Валерий Исаев, писатель и философ Арсений Гулыга, писатель и орнитолог Александр Кузнецов.

С той поры мы нередко встречались с Александром Александровичем, который и для меня, как для многих его друзей, стал Сан Санычем. Чаще всего эти встречи происходили в домах творчества, где мне выпадало счастье жить одновременно с ним, сживать за одним столом и беседовать. И каждый раз, общаясь с ним, я словно открывал для себя дверь в еще одну, и еще одну комнату, потому что этот человек – музей.

Таковы и его рассказы. Большинство из них сберегают для нас, как музейные ценности, тончайшие верные наблюдения за русской историей или за русской природой. Нередко Кузнецов рукой мастера подправляет искаженные временем черты, возвращает событиям или даже деталям событий их истинный первоначальный вид. Будь то камер-юнкерство Пушкина, которое вовсе не было таким постыдным, как об этом набрехали недобросовестные литературоведы советской поры. Или такая немаловажная деталь, как отказ белогвардейцев от вручения своим героям орденов Российской империи, потому что, как они считали еще с московских событий 1917 года, в братоубийственной войне героев не бывает. Правда, потом был изобретен новый орден – Николая Чудотворца, которым было награждено более трехсот человек. Или то, что Врангель не уходил из Крыма, пока не был вывезен последний раненый, а даже при оставлении Москвы в 1812 году в госпиталях оставалось около двадцати тысяч раненных солдат и офицеров, большинство из которых сгорело в пожаре.

Трагическая судьба русского офицерства после триумфа большевиков в 1917–1920 годах всю жизнь волновала Александра Александровича. Да разве может она не волновать, если ты русский человек? Знал я, правда, и русских, которые, чтобы не думать на эту тему, отмахивались: “Ну что же их героизировать? Ведь они проиграли! Были бы у них Суворовы, Кутузовы, Скобелевы, тогда другое дело...” Да, отмахнулся и, как говорится, нет человека, нет проблемы. В 1993 году тоже проиграли, и от этих проигравших тоже многие отмахнулись. Чтобы не сострадать, не мучиться душевно. А значит, не дать душе развиваться так, как положено Богом.

Кузнецов не щадил своего сердца никогда. Иглы истории входили в это сердце, заставляя его мучиться, а душу – сопереживать. Так до конца своих дней он будет и с нашими победителями, и с нашими побежденными. И в Галлиполи страдали не остатки Белой армии, а его – Кузнецова – армия. И в Бизерте умирала не остатки белогвардейского флота, а его – Кузнецова – флот. Ибо из Крыма уходили такие же наши, как те, кто их из Крыма изгонял. А кто делит русских на наших и не наших, тот, братцы, не русский.

Можно ли забыть наше с Сан Санычем константинопольское приключение! Не стану его особо пересказывать, поскольку оно подробнейшим образом описано самим Кузнецовым в одном из его рассказов, напечатанных в “Нашем современнике”. Скажу одно — лишь с ним у меня могло произойти такое. Мы были вместе в туристической поездке, и когда в Стамбуле выдалось свободное время, мы с ним вдвоем, в отличие от остальной писательской группы, не отправились на поиски покупок и сувениров, а пошли искать русскую церковь, о которой Александр Александрович был слышан, но не знал, где она находится. Мы ходили по Галатасараю и просто спрашивали у прохожих, не знает ли кто-нибудь о русской церкви. Никто и слыхом не слышал. И вдруг какая-то женщина спросила нас по-русски, правильно ли она поняла, что мы ищем нашу церковь. Оказалось, она — жена старосты этой церкви. И повела нас в гости. Выяснилось, что церковь расположена на последнем этаже большого жилого дома, а колокол висит на лестничной площадке. С улицы эта церковь не видна. И мы никогда бы не нашли ее, если бы не удивительная случайная встреча. Искали — и обрели! Бог дал. Его тронуло, с какой непосредственностью и наивностью мы вели свои поиски.

А еще это случилось потому, что Кузнецов всегда соперничал нашим соотечественникам, вышвырнутым за рубежи Родины волею жестокой судьбы. Когда мы были в гостях у последних, кто оставался в начале девяностых годов в Константинополе, выяснилось, что их всего-то горстка, несколько человек. Все остальные разбежались по миру.

Я не люблю слово “интеллигент”. Всегда, а особенно в последнее время, этим многозначительным термином прикрывалась чаще всего всякая сволочь — безбожники, либералы, любители запретных плодов, а нередко и попросту растленные типы. Мне ближе слово “аристократ”. В особенности — “аристократ духа”. Таковым я считаю и Александра Александровича. К тому же он вдобавок и аристократ по рождению. Правда, русская аристократия к революции 1917 года выродилась, но оставались немногие, кто продолжал нести в себе черты подлинного аристократизма.

О таких людях чаще всего и пишет прозаик Кузнецов. И они могут быть героями отечественной истории, полководцами, выдающимися политическими деятелями, писателями, историками, художниками. А могут быть и нашими современниками.

О таких людях написаны им и альпинистские повести.

Если автор пишет о врачах так, что хочется быть врачом, а о морях так, что тоскуешь по морю, — это настоящий писатель. Я никогда не был альпинистом и даже не помышлял о подобной сфере человеческой деятельности. Но, читая повести Кузнецова, посвященные горам, искренне сожалеешь, что тебе уже скоро пятьдесят, и, пожалуй, уже шибко поздно начинать карьеру альпиниста!

Аристократ духа не может быть разрушителем, циником, шкурником. Это всегда — созидатель, покоритель, первопроходец, восторженно вззирающий на мир Божий. Таким был друг Кузнецова — Владимир Алексеевич Солоухин. Таков и сам Кузнецов. Первый — выходец из простой крестьянской семьи. Второй — потомственный дворянин. И оба — аристократы духа.

Писатели бывают великие, а бывают просто хорошие. Великие потрясают умы и сердца, ведут за собой, и бывает, что ведут в пропасть. Великие писатели могут оказаться виновными даже в гибели людей. Вспомним волну самоубийств, прокатившихся по Европе после гетевского “Вертера”. А как подчас губительно сказывалось на поведении людей творчество великого Толстого. А сколько подражателей Есенина спилось и загубило свою жизнь в бытовом безобразии...

Ничего не поделаешь, всякое великое явление обрывает жертвами.

Хороший писатель меньше берет греха на душу. Своими произведениями он проникает в сердце читателя, чтобы затеплить там фитилек свечи или лампы, озарить это сердце, обогреть его, заставить любить окружающий мир, близких и дальних людей, историю, природу — всю удивительную и неповторимую жизнь.

Таков и Сан Саныч Кузнецов. Просто — хороший писатель.

---

*Редакция журнала “Наш современник” от всего сердца поздравляет
своего постоянного автора, прекрасного человека*

Александра Александровича Кузнецова с 85-летним юбилеем!

Здоровья Вам, дорогой Сан Саныч, и новых успехов в творчестве!